



Огюст Конт

ДУХ ПОЗИТИВНОЙ ФИЛОСОФИИ*

СЛОВО О ПОЛОЖИТЕЛЬНОМ МЫШЛЕНИИ

Предмет этого «Слова»

Предмет книги:
закон интеллекту-
альной эволюции
человечества

1. Совокупность астрономических знаний, рассматриваемых до настоящего времени слишком изолированно, должна отныне оставлять только один из необходимых элементов новой нераздельной системы общей философии, постепенно подготовленной в течение последних трех веков само собой получившимся схождением результатов всех великих научных трудов и достигшей, наконец, по своей отвлеченности истинной зрелости. В силу этого еще чрезвычайно мало понятного теперь тесного соотношения, сущность и назначение этого трактата не могли бы быть достаточно оценены, если бы это необходимое предварительное слово не было преимущественно посвящено надлежащему определению истинного основного духа этой философии, всемирное установление которой должно стать основной целью позитивного обучения. Так как она отличается главным образом постоянным преобладанием, одновременно логическим и научным, исторической или социальной точки зрения, то я должен сначала для того, чтобы ее лучше охарактеризовать, напомнить вкратце великий закон, который в моей Системе положительной философии я установил, о полной интеллектуальной эволюции человечества, – закон, который, сверх того, будет впоследствии часто применяться в наших астрономических исследованиях.

* Публикуется по изданию: *Конт О.* Дух позитивной философии. – СПб.: Издательство «Вестник знания», 1910.

Часть первая
ПРЕВОСХОДСТВО
ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ

Глава первая
ЗАКОН ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА, ИЛИ ЗАКОН ТРЕХ СТАДИЙ

Три стадии развития
умозрения:
теологическая,
метафизическая,
научная

2. Согласно моей основной доктрине все наши умозрения, как индивидуальные, так и родовые, должны неизбежно пройти, последовательно, через три различные теоретические стадии, которые смогут быть здесь достаточно определены обыкновенными наименованиями – теологическая, метафизическая и научная, – по крайней мере для тех, которые хорошо поймут их истинный общий смысл.

Первая стадия, хотя сначала необходимая во всех отношениях, должна отныне всегда рассматриваться как чисто предварительная; вторая представляет собой в действительности только видоизменение разрушительного характера, имеющее лишь временное назначение, и постепенно привести к третьей; именно на этой последней, единственно вполне нормальной стадии, строй человеческого мышления является в полном смысле окончательным.

I. Теологическая, или фиктивная стадия

Теологическая
стадия

3. В их первоначальном проявлении, неминуемо теологическом, все наши умозрения сами собой выражают характерное предпочтение наиболее неразрешимым вопросам, наиболее недоступным всякому исчерпывающему исследованию предметам.

В силу контраста, который в наше время должен с первого взгляда казаться необъяснимым, но который, в действительности, был тогда в полной гармонии с истинно младенческим состоянием нашего ума, человеческий разум в то время, когда он еще не способен разрешать простейшие научные проблемы, жадно и почти исключительно ищет начала всех вещей, стремится найти либо начальные, либо конечные основные *причины* различных поражающих его явлений и основной способ их возникновения, – словом, стремится к абсолютному знанию. Эта примитивная способность естественно удовлетворяется, насколько этого требует такое состояние, и даже насколько она действительно могла бы когда-либо удовлетворяться, благодаря нашему извечному стремлению облекать все в человеческие

образы, уподобляемые всякие наблюдаемые нами явления тем, которые мы сами производим и которые в силу этого начинают нам казаться, вследствие сопро-вождающей их непосредственной интуиции, достаточ-но известными. Для того чтобы лучше понять чисто теологический дух, являющийся результатом все более и более систематического развития этого первобытного состояния, не нужно ограничиваться рассмотрением его в последнем фазисе, заканчивающемся на наших глазах у наиболее передовых народов, но представляю-щемся далеко не наиболее характерным – необходимо бросить истинно философский взгляд на весь его естес-твенный ход, дабы оценить его основное тождество во всех последовательно свойственно ему трех главных формах.

Фазис фетишизма

4. Наиболее непосредственным и наиболее резко выраженным фазисом является собственно *фетишизм*, заключающийся преимущественно в том, что всем внешне телам приписывается жизнь, существенно ана-логичная нашей, но почти всегда более энергичная, вследствие их обыкновенно более сильного действия. Поклонение небесным светилам характеризует наибо-лее возвышенную ступень этой первой теологической стадии, вначале едва отличающейся от умственного состояния, на котором останавливаются высшие поро-ды животных. Хотя эта первая форма теологической философии постоянно с очередностью выступает в интеллектуальной истории всех наших обществ, она господствует теперь непосредственно только среди самой немногочисленной из трех великих рас, состав-ляющих человеческий род.

Фазис политеизма

5. В своем втором основном фазисе, теологическое мышление, отливаясь в настоящий *политеизм*, очень часто смешиваемый современными народами с преды-дущей стадией, ясно представляет свободное умозри-тельное преобладание воображения между тем, как раньше инстинкт и чувства имели перевес в человечес-ких теориях. Первоначальная философия в этом состоя-нии подвергается наиболее глубокому преобразованию, какому доступна совокупность ее реального назначе-ния – преобразованию, выражающемуся в том, что материальные предметы, наконец, лишаются навязан-ной им жизни, мистически переносимой на различные вымышленные, обыкновенно невидимые существа, бес-прерывно активное вмешательство которых становится отныне прямым источником всех внешних, а затем даже и человеческих явлений.

Изучение теологического духа в этот период, который здесь развивается столь полно и однородно, как никогда после, является во всех отношениях временем его наибольшего расцвета, одновременно умственного и социального. Большинство нашего рода не вышло еще из этой стадии, на которой упорно продолжает оставаться теперь, кроме выдающейся части черной расы и наиболее передовой части белой, наиболее многочисленной из трех человеческих рас.

Фазис монотеизма

6. В третьем, теологическом, фазисе *монотеизм* в собственном смысле слова является началом неизбежного упадка первоначальной философии, которая, вполне сохраняя за собой в течение долгого времени большое социальное влияние, хотя более кажущееся, чем действительное, претерпевает отныне быстрое уменьшение ее интеллектуального значения, в силу естественного следствия, само собою вытекающего из характерного упрощения, благодаря которому разум начинает все более и более сокращать прежнее господство воображения, давая постепенно развиваться до тех пор почти незаметному всеобщему чувству, говорящему о необходимом подчинении всех явлений неизменным законам.

Эта крайняя форма предварительного порядка вещей *в ее чрезвычайно различных* и даже совершенно несогласимых видах продолжает еще оставаться более или менее прочной у громадного большинства белой расы. Но, хотя наблюдение ее должно было быть, таким образом, более легким, тем не менее личные предубеждения, мешающие достаточно разумному и достаточно беспристрастному ее сравнению с двумя предыдущими формами, слишком часто препятствуют и теперь ее справедливой оценке.

Роль теологии
в умственном
отношении

7. Как бы несовершенным не должен казаться теперь такой философский метод, весьма важно неразрывно связать нынешнее состояние человеческого разума во всем рядом его предшествовавших состояний, признавая, что теологический метод должен быть долгое время столь же необходимым, как и неизбежным.

Ограничиваясь здесь простой умственной оценкой, было бы прежде всего излишне долго останавливаться на невольной тенденции, которая даже теперь совершенно очевидно увлекает нас к тому, чтобы давать объяснения по существу теологические, коль скоро мы хотим непосредственно коснуться недоступной тайны основного способа образования явлений и, в особенности образования тех, реальные законы которых мы еще не знаем. Наиболее выдающиеся мыслители могут кон-

статировать в тех случаях, когда это незнание мгновенно сочетается у них с какой-либо ярко выраженной страстью, – их собственное естественное расположение к наиболее наивному фетишизму.

Если же все теологические объяснения подверглись у новых западно-европейских народов возрастающей и разрушительной критике, то это единственно потому, что таинственные исследования, которые имеют в виду объяснения, были все более отвергаемы как совершенно недоступные нашему уму, постепенно привыкшему непреложно заменять их знаниями более действительными и более соответствующими нашим истинным способностям. Даже в эпоху, когда истинный философский дух одержал верх в вопросах, касающихся наиболее простых явлений и столь легкого предмета, как элементарная теория столкновения тел, памятный пример Мальбранша напомнит всегда о необходимости прибегать к непосредственному и постоянному вмешательству сверхъестественной силы всякий раз, когда пытаются восходить к первопричине какого-либо события.

Но, с другой стороны, такие попытки, насколько бы ребяческими они теперь, справедливо, не казались, составляют поистине единственное первоначальное средство определять непрерывный подъем человеческих умозрений и само собой освобождают наш ум из глубокого порочного круга, в котором они по необходимости были заключены сначала вследствие коренного противодействия двух одинаково настоятельных условий. Ибо, если современные народы должны были провозгласить невозможность основать какую-либо прочную теорию иначе, как на достаточном фундаменте соответственных наблюдений, то не менее бесспорно, что человеческий разум не мог бы никогда ни сочетать, ни даже собрать эти необходимые материалы, если бы он не руководствовался всегда некоторыми предварительно установленными спекулятивными взглядами.

Эти первобытные концепции могли, очевидно, явиться продуктом только философии, по своей природе чуждой всякой сколько-нибудь продолжительной подготовки и способной, так сказать, самопроизвольно возникать под единственным давлением непосредственного инстинкта, как бы нелепы ни были умозрения, лишённые таким образом всякого реального основания. Таково счастливое преимущество теологических принципов, без которых, необходимо это признать, наш ум не мог бы никогда выйти из своего первоначального оцепенения и которые одни только могли позволить, руко-

Основания выхода
за пределы
телеологии

водя его спекулятивной деятельностью, постепенно подготовить лучший строй мысли. Этой основной способности, впрочем, сильно благоприятствовала врожденная склонность человеческого разума к неразрешимым вопросам, которыми преимущественно занималась эта первобытная философия. Мы могли познать объем наших умственных сил и, следовательно, разумно ограничить их назначение лишь после достаточного их упражнения. А это необходимое упражнение не могло сначала иметь места, в особенности относительно наиболее слабых способностей нашей природы, без страстности, которая присуща таким исследованиям, где столько плохо просвещенных голов упорно продолжают еще искать наиболее быстрого и наиболее полного решения самых обычных вопросов.

Дабы победить нашу врожденную косность, нужно было даже долгое время прибегать к заманчивым иллюзиям, самопорождаемым такой философией, о почти бесконечной власти человека видоизменять по своему желанию мир, рассматриваемый тогда как устроенный главным образом в интересах человека, и о том, что никакой великий закон не мог еще избавиться от верховного произвола сверхъестественных влияний. Едва прошло три века, как у избранной части человечества астрологические и алхимические надежды – последний научный след этого первобытного мышления – действительно перестали служить мотивом для повседневного накопления соответствующих наблюдений, как это показали Кеплер и Бертолле.

Социальное значение телеологического духа

8. Решающее значение этих различных интеллектуальных мотивов, могло бы быть сверх того сильно подкреплено, если бы характер этого *трактата* позволил мне в достаточной мере указать непреодолимое влияние важных социальных потребностей, которые я надлежащим образом рассмотрел в моем вышеупомянутом сочинении. Можно таким образом сначала вполне доказать, насколько телеологический дух должен был долгое время быть необходимым в особенности для постоянного сочетания моральных и политических идей еще в более сильной степени, чем для всяких других сочетаний идей, как в силу их большей сложности, так и потому, что соответственные явления, первоначально очень слабо выраженные, смогли приобрести заметное развитие лишь после чрезвычайно продолжительного роста цивилизации.

Странной непоследовательностью, едва ли объяснимой бессознательной критической тенденцией нашего времени, является стремление признавать, что древние

не могли рассуждать о простейших предметах иначе, как в теологическом духе, и в то же время отрицать, в особенности у политиков, наличие настоящей потребности в аналогичном образе мышления в области социальных вопросов. Но нужно, кроме того, понять, хотя я не могу установить это здесь, что эта первоначальная философия была не менее необходимой как для предварительного развития нашей общественности, так и для подъема наших умственных сил, либо с целью примитивного построения известных общих доктрин, без которых социальная связь не могла бы приобрести ни обширности, ни постоянства, либо для само собой осуществляемого единственно мыслимого тогда духовного авторитета.

II. Метафизическая или абстрактная стадия

Необходимость
«промежуточной»
стадии развития
умозрений

9. Как ни кратки должны быть здесь общие объяснения о временном характере и подготовительном назначении единственной философии, действительно соответствующей младенческому состоянию человечества, они могут легко дать этот первоначальный образ мышления резко всех отношениях от того направления ума, которое, как мы увидим, отвечает зрелому состоянию человеческой мысли, и что это различие слишком глубоко для того, чтобы постепенный переход от одного метода к другому мог впервые совершиться, как у индивида, так и у целого рода, без возрастающей помощи посредствующей философии, по существу ограниченной этой временной функцией.

Такое специальное участие собственно метафизической стадии в основной эволюции нашего ума, который, не терпя резких изменений, может таким образом подниматься почти незаметно от чисто теологического до открыто позитивного состояния, хотя это двусмысленное положение по существу приближается гораздо более к первому, чем ко второму. Господствующие умозрения сохранили на этой стадии существенный характер направления, свойственного абсолютным знаниям: только выводы подвергаются здесь значительному преобразованию, способному более облегчить развитие положительных понятий.

В самом деле, метафизика пытается, как и теология, объяснить внутреннюю природу существ, начало и назначение всех вещей, основной способ образования всех явлений, но вместо того, чтобы прибегать к помощи сверхъестественных факторов, она их все более и более заменяет *сущностями (entités)* или олицетворенными абстракциями, истинно характерное для нее употребле-

ние которых позволяло часто называть ее именем *онтологии*. Теперь очень легко наблюдать этот способ философствования, который, оставаясь еще преобладающим в области наиболее сложных явлений, дает ежедневно, даже в наиболее простых и наименее отсталых теориях, столько заметных следов его долгого господства*.

Историческое значение этих сущностей прямо вытекает из их двусмысленного характера: ибо в каждом из этих метафизических существ, присущих соответствующему телу и в то же время не смешивающихся с ними, ум может, по желанию – и в зависимости от того, находится ли он ближе к теологическому или к позитивному состоянию, – видеть либо действительную эманацию сверхъестественной силы, либо просто отвлеченное наименование рассматриваемого явления. Господствующее вложение чистой фантазии тогда прекращается, но и истинное наблюдение не является еще преобладающим, только мысль приобретает большую остроту и незаметно подготавливается к метафизической стадии; умозрительная часть оказывается сначала чрезвычайно преувеличенной вследствие упорного стремления аргументировать вместо того, чтобы наблюдать, – стремление, которое во всех областях обыкновенно характеризует метафизический образ мышления даже у его наиболее знаменитых выражителей. Гибкий порядок концепций, который никоим образом не терпит постоянства, столь долго свойственно-теологической системе, должен (к тому же очень скоро) достигнуть соответственного единства путем постепенного подчинения различных частных сущностей единой общей сущности – природе, предназначение которой заключается в том, чтобы представлять собою слабый метафизический эквивалент смутной универсальной связи, вытекающей из монотеизма.

Чисто критический характер метафизической стадии

10. Чтобы лучше понять, в особенности в наше время, историческую силу такого философского орудия, важно признать, что по своей природе оно само по себе способно лишь проявлять критическую или разрушительную деятельность даже в области теории и в еще

* Почти все обычные объяснения, относящиеся к социальным явлениям, большая часть объяснений, касающихся интеллектуального и морального человека, огромная часть наших физиологических или медицинских теории и даже много химических теорий и т.д. напоминают еще странный способ философствовать, который по поводу, например, усыпительного свойства опиума, так забавно, но без сильного преувеличения охарактеризовал Мольер сообразно решительному удару, нанесенному Декартом всякой системе сущностей.

большей степени в области социальных вопросов, не будучи никогда в состоянии создать что-либо положительное, исключительно свойственное ему.

Глубоко непоследовательная, эта двусмысленная философия сохраняет все основные принципы теологической системы, лишая их, однако, все более и более силы и постоянства, необходимых для их действительного авторитета, и именно в подобном искажении заключается ее главная временная полезность для того момента, когда старый образ мышления, долгое время прогрессивный для совокупности человеческой эволюции, неизбежно достигает той ступени, на которой дальнейшее его существование оказывается вредным, так как он стремится упрочить на неопределенное время младенческое состояние, которым он вначале так счастливо руководил. Метафизика, таким образом, является в сущности не чем иным, как видом теологии, ослабленной разрушительными упрощениями, самопроизвольно лишаящими ее непосредственной власти помешать развитию специально позитивных концепций. Но, с другой стороны, благодаря этим же разрушительным упрощениям, она приобретает временную способность поддерживать деятельность обобщающего ума, пока он, наконец, не получит возможность питаться лучшей пищей.

В силу своего противоречивого характера метафизический или онтологический образ мышления оказывается всегда перед неизбежной альтернативой: либо стремиться в интересах порядка к тщетному восстановлению теологического состояния, либо, дабы избежать угнетающей власти теологии, толкать общество к чисто отрицательному положению. Это неизбежное колебание, которое наблюдается теперь только относительно наиболее трудных теорий, некогда существовало равным образом по отношению даже к наиболее простым, пока они не перешагнули метафизической стадии, и обусловлено это органическим бессилием, всегда свойственным этому философскому методу. Если бы общественный рассудок издавна не изгнал его из некоторых основных понятий, то можно безошибочно утверждать, что порожденные им двадцать веков тому назад бессмысленные сомнения в существовании внешних тел повторялись бы еще теперь, ибо он их никогда никакой решительной аргументацией не рассеял.

Метафизическое состояние нужно, таким образом, в конечном счете, рассматривать как своего рода хроническую болезнь, естественно присущую эволюции нашей мысли – индивидуальной или коллективной – на границе между младенчеством и возмужалостью.

Историческая роль
метафизической
стадии: разрушить
существующий
порядок

11. Так как исторические умозрения у новых народов почти никогда не восходят дальше времен политеизма, то метафизическое мышление должно казаться почти столь же древним, как теологическое. В самом деле, оно неизбежно руководило, хотя скрытно, первоначальным преобразованием фетишизма в политеизм, дабы устранить исключительное господство чисто сверхъестественных сил, которые, будучи таким образом непосредственно удалены из каждого отдельного тела, должны были тем самым оставлять в каждом некоторую соответственную сущность. Но так как при этом первом теологическом перевороте никакое истинное обсуждение не могло иметь места, то непрерывное вмешательство онтологического духа стало вполне характерным лишь в последующей революции, при превращении политеизма в монотеизм, естественным орудием которого он должен был явиться. Его возрастающее влияние должно было сначала, пока он оставался подчиненным теологическому давлению, казаться органическим, но его природа, в основе разрушительная, должна была затем все более и более проявляться, когда он постепенно делал попытки доводить упрощение теологии даже далее обыкновенного монотеизма, составлявшего по необходимости крайний и действительно возможный фазис первоначальной философии.

Метафизический
дух благоприят-
ствовал подъему
цивилизации

Так, в течение последних пяти веков метафизический дух, действуя отрицательно, благоприятствовал основному подъему нашей современной цивилизации, разлагая мало-помалу теологическую систему, ставшую окончательно ретроградной к концу Средних веков, когда социальная сила монотеистического режима оказалась существенно исчерпанной. К несчастью, выполнив с возможной полнотой эту необходимую, но временную функцию, онтологические концепции, действуя слишком продолжительно, должны были также стремиться противодействовать всякой другой реальной организации спекулятивной системы; так что наиболее опасное препятствие для окончательного установления истинной философии действительно вытекает теперь из того же самого образа мышления, который часто еще теперь присваивает себе почти исключительную привилегию в области философии.

III. Положительная или реальная стадия

Основной признак:
Закон постоянного
подчинения
воображения
наблюдению

12. Эта длинная цепь необходимых предварительных фазисов приводит, наконец, наш постепенно осваивающийся ум к его окончательному состоянию рациональной положительности. Это состояние мы

должны охарактеризовать здесь более подробно, чем две предыдущие стадии. Установив самопроизвольно, на основании стольких подготовительных опытов, совершенную бесплодность смутных и произвольных объяснений, свойственных первоначальной философии – как теологической, так и метафизической, наш ум отныне отказывается от абсолютных исследований, уместных только в его младенческом состоянии, и сосредоточивает свои усилия в области действительного наблюдения, принимающей с этого момента все более и более широкие размеры и являющейся единственно возможным основанием доступных нам знаний, разумно приспособленных к нашим реальным потребностям.

Обесценивание чистого воображения вне наблюдаемых фактов

Умозрительная логика до сих пор представляла собой искусство более или менее ловко рассуждать согласно смутным принципам, которые, будучи недоступными сколько нибудь удовлетворительному доказательству, возбуждали постоянно бесконечные споры. Отныне она признает как *основное правило*, что всякое предложение, которое недоступно точному превращению в простое изъяснение частного или общего факта, не может представлять никакого реального и понятного смысла. Принципы, которыми она пользуется, являются сами не чем иным, как действительными фактами, но более общими и более отвлеченными, чем те, связь которых они должны образовать. Каков бы ни был сверх того рациональный или экспериментальный метод их открытия, их научная сила постоянно вытекает исключительно из их прямого или косвенного соответствия с наблюдаемыми явлениями. Чистое воображение теряет тогда безвозвратно свое былое первенство в области мысли и неизбежно подчиняется наблюдению (таким путем создается вполне нормальное логическое состояние), не переставая, тем не менее, выполнять в положительных умозрениях столь же важную, как и неисчерпаемую, функцию в смысле создания или совершенствования средств как окончательной, так и предварительной связи идей.

Одним словом, основной переворот, характеризующий состояние возмужалости нашего ума, по существу, заключается в повсеместной замене недоступного определения причин в собственном смысле слова простым исследованием *законов*, т.е. постоянных отношений, существующих между наблюдаемыми явлениями. О чем бы ни шла речь, о малейших или важнейших следствиях, о столкновении и тяготении, или о мышлении и нравственности, мы можем действительно знать

Относительный
характер
положительной
философии

только различные взаимные связи, свойственные их проявлению, не будучи никогда в состоянии проникнуть в тайну их образования.

13. Не только наши положительные исследования во всех областях должны по существу ограничиваться систематической оценкой того, что есть, отказываясь открывать первопричину и конечное назначение, но, кроме того, важно понять, что это изучение явлений вместо того, чтобы стать когда-либо абсолютным, должно всегда оставаться относительным в зависимости от нашей организации и нашего положения. Признавая с этой двоякой точки зрения неизбежное несовершенство наших различных умозрительных средств, мы видим, что далекие от возможности изучить со всей полнотой какое-либо действительное существование мы не можем быть уверенными в возможности констатировать, даже чрезвычайно поверхностно, все реальные существования, большая часть которых должна, быть может, всецело оставаться для нас сокрытой.

Если потеря одного важного чувства достаточна, чтобы совсем скрыть от нас целый круг естественных явлений, то вполне уместно полагать, что, обратно, приобретение нового чувства открыло бы нам класс фактов, о которых мы теперь не имеем никакого представления; по крайней мере, думать, что разнообразие чувств, столь различное у главных видов животных, доведено в нашем организме до наивысшей степени, которой могло бы требовать полное познание внешнего мира, — очевидно неосновательное и почти бессмысленное предложение.

Относительный
характер наших
реальных знаний

Никакая наука не может лучше астрономии подтвердить этот неизбежно относительный характер всех наших реальных знаний; так как исследование явлений может здесь производиться только посредством одного чувства, то очень легко оценить умозрительные последствия, обусловленные его отсутствием или его ненормальностью. Никакая астрономия не могла бы существовать у слепого вида, каким бы разумным его не предполагали; точно также мы не могли бы иметь суждение ни относительно темных небесных тел, которые, быть может, являются наиболее многочисленными, ни даже относительно светил, если бы только атмосфера, через которую мы наблюдаем небесные тела, оставалась всегда и всюду туманной.

На протяжении всего этого трактата мы часто будем иметь случай без всякого усилия оценивать с достаточной ясностью эту тесную зависимость, где

совокупность как внутренних, так и внешних условий нашего собственного существования неизбежно задерживает наши положительные исследования.

14. Чтобы достаточно охарактеризовать эту по необходимости относительную природу всех наших реальных знаний, важно, сверх того, заметить с наиболее философской точки зрения, что, если какие-либо наши концепции должны сами рассматриваться как человеческие феномены, и в особенности социальные, то они на самом деле обусловлены коллективной и непрерывной эволюцией, все элементы и фазисы которой по существу своему примыкают друг к другу. Если же, с одной стороны, признается, что наши умозрения должны всегда находиться в зависимости от различных основных условий нашего личного существования, то нужно равным образом допустить, с другой – что они не менее подчинены совокупности непрерывного хода социальных идей, так что никогда не могут оставаться в предложенном метафизиками состоянии совершенной неподвижности.

Но так как общий закон основного движения человечества в данном отношении заключается в том, что наши теории стремятся представить все более и более точно внешние предметы наших постоянных исследований, будучи, однако, лишены возможности вполне оценить истинное строение каждого из них, – научное усовершенствование должно поэтому ограничиваться стремлением приблизиться к этому идеальному пределу постольку, поскольку этого требуют наши различные реальные потребности. Этот второй вид зависимости, присущий положительным умозрениям, обнаруживается так же ясно, как и первый, во всем ходе астрономических исследований, что, например, показывает ряд все более и более удовлетворительных понятий, полученных с момента зарождения небесной геометрии, о фигуре Земли, о планетных орбитах и т.д.

Таким образом, хотя, с одной стороны, научные доктрины имеют по необходимости достаточно непостоянный характер, для того чтобы устранить всякие притязания на абсолютное знание, их постепенные изменения не представляют, с другой, никакого произвола, который мог бы вызвать еще более опасный скептицизм; каждое последовательное изменение сверх того само по себе обеспечивает за соответственными теориями бесконечную способность предоставлять феномены, легшие в их основание, по крайней мере постольку, поскольку первоначальная степень действительной точности не должна быть перейдена.

Назначение положительных законов: рациональное предвидение

15. После того как постоянное подчинение воображения наблюдению было единодушно признано как первое основное условие всякого здорового научного умозрения, неправильное толкование часто приводило к тому, что стали слишком злоупотреблять этим великим логическим принципом, превращая реальную науку в своего рода бесплодное накопление несогласованных фактов, присущее которому достоинство могло бы состоять только в его частичной точности. Важно, таким образом, хорошо понять, что истинный положительный дух в основе не менее далек от эмпиризма, чем от мистицизма; именно между двумя одинаково гибельными ложными путями он должен всегда прокладывать себе дорогу; потребность в такой постоянной осторожности, столь же трудной, как и важной, сверх того, достаточна для подтверждения, сообразно с нашими первоначальными объяснениями того, насколько истинная положительность должна быть зрело подготовлена так, чтобы она не имела никакого сходства с первобытным состоянием человечества.

Именно в законах явлений действительно заключается наука, для которой факты в собственном смысле слова, как бы точны и многочисленны они ни были, являются всегда только необходимым сырым материалом.

Существо истинной науки

Рассматривая же постоянное назначение этих законов, можно сказать без всякого преувеличения, что истинная наука, далеко не способная образоваться из простых наблюдений, стремится всегда избегать по возможности непосредственного исследования, заменяя последнее рациональным предвидением, составляющим во всех отношениях главную характерную черту положительной философии (совокупность астрономических знаний дает нам ясно понять это). Такое предвидение, необходимо вытекающее из постоянных отношений, открытых между явлениями, не позволит никогда смешивать реальную науку с той бесполезной эрудицией, которая механически накапливает факты, не стремясь выводить одни из других.

Это важное свойство всех наших ясных умозрений не менее касается их действительной полезности, чем их собственного достоинства, ибо прямое исследование совершившихся явлений, не давая нам возможности их предвидеть, не могло бы нам позволить изменять их ход. Таким образом, истинное положительное мышление заключается преимущественно в способности видеть, чтобы предвидеть, изучать то, что есть, и отсю-

Всеобщее распро-
странение основного
учения о неизмен-
ности естественных
законов

да заключать о том, что должно произойти согласно общему положению о неизменности естественных законов*.

16. Этот основной принцип всей положительной философии, будучи еще далеко не достаточно распространен на совокупность явлений, начинает, к счастью, за последние три века становиться столь обычным, что до сих пор, вследствие привитых раньше привычек к абсолютам, почти всегда игнорировали его истинный источник, стараясь, на основании пустой и сбивчивой метафизической аргументации, представить, как своего рода врожденное или по меньшей мере примитивное понятие, то, что могло ясно вытекать из медленной и постепенной индукции, одновременно коллективной и индивидуальной.

Не только никакой рациональный мотив, независимый от всякого внешнего исследования, не показывает нам сначала неизменность физических отношений, но, напротив, не подлежит сомнению, что человеческий разум испытывает в течение своего долгого младенческого состояния чрезвычайно сильную склонность игнорировать эту неизменность даже там, где беспристрастное наблюдение ее само собою обнаружило бы, если бы он не увлекался своим необходимым стремлением приписывать все какие бы то ни были события, а в особенности наиболее важные, произвольным хотениям.

Сущность явлений

В каждом круге явлений существуют, без сомнения, некоторые явления, достаточно простые и достаточно обычные для того, чтобы их самопроизвольное наблюдение внушало всегда смутное и несвязное чувство некоторой второстепенной регулярности; так что чисто теологическая точка зрения не могла никогда быть строго всеобщей. Но это частичное и случайное убеждение распространяется долгое время на явления, весьма малочисленные и наиболее подчиненные, которые оно тогда не может даже предохранять от частых нарушений, приписываемых преобладающему вмешательству сверхъестественных факторов.

* Об этой общей оценке духа и хода, двойственных положительному методу, можно найти полезные указания и замечательной книге Система логики моего знаменитого друга Джона Стюарта Милли, вполне теперь присоединившегося к непосредственному основанию новой философии. Последние семь глав первого тома содержат дивное догматическое изложение, столь же глубокое, как и блестящее, индуктивной логики, которую, смею утверждать, никто, оставаясь на точке зрения ее автора, не смог бы ни лучше задумать, ни лучше осветить.

Принцип
неизменности
естественных
законов

Принцип неизменности естественных законов начинает действительно приобретать некоторое философское основание только тогда, когда первые истинно научные работы смогли обнаружить полную точность этого принципа для целого класса важных явлений; обстоятельство это могло в полной мере иметь место лишь с момента создания математической астрономии, в течение последних веков политеизма. Вслед за этим систематическим введением это основное правило стремилось, без сомнения, распространиться по аналогии на более сложные явления даже прежде, чем их собственные законы могли быть сколько нибудь известны. Но помимо своей действительной бесплодности это смутное логическое предвращение обладало тогда слишком незначительной энергией для того, чтобы надлежащим образом сопротивляться активному преобладанию, которое сохраняли в области мысли теолого-метафизические иллюзии. Первый специальный опыт установления естественных законов, для каждого главного класса явлений был затем необходим для того, чтобы сообщить этому понятию ту непоколебимую силу, которую оно начинает представлять в наиболее передовых науках. Это убеждение не могло даже стать достаточно прочным, пока все основные умозрения не были действительно подвергнуты подобной обработке, так как сомнение, оставшееся еще относительно наиболее сложных, должно было тогда более или менее заражать каждое из них.

Великий
философский
принцип

Невозможно игнорировать эту бессознательную реакцию даже теперь, когда вследствие еще обычного невежества в области социологических законов, принцип постоянства физических отношений подвергается иногда грубым искажениям даже в чисто математических исследованиях, где мы видим, например, как неизменно превозносят мнимое исчисление шансов, скрыто предполагающее отсутствие всякого реального закона по отношению к известным событиям, в особенности, когда здесь имеет место вмешательство человека. Но когда это всеобщее распространение, наконец, достаточно подготовлено – условие, уже выполненное теперь у наиболее передовых умов, – этот великий философский принцип тотчас приобретает полную законченность, хотя действительные законы большинства частных случаев должны долгое время оставаться неизвестными; ибо не могущая быть отвергнутой аналогия применяет тогда наперед ко всем явлениям каждого класса то, что было установлено для некоторых из них, лишь бы только они имели надлежащую важность.

Глава вторая НАЗНАЧЕНИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ

Внутреннее назначение положительного мышления – удовлетворение потребностей активной жизни

17. Рассмотрев отношение положительного мышления к внешним предметам наших умозрений, нужно закончить его характеристику оценкой и его внутренне-го назначения – непрерывно удовлетворять наши собственные потребности, касающиеся созерцательной или активной жизни.

I. Полное и прочное устройство индивидуальной и коллективной гармонии в области мысли – в отношении к человечеству

Умственные нужды

18. Хотя чисто умственные запросы суть, без сомнения, наименее энергичные из всех потребностей, присутствующих нашей природе, – их прямое и постоянное существование у всех мыслящих людей тем не менее не подлежит сомнению: они дают первый необходимый толчок нашим различным философским усилиям, слишком часто приписываемым преимущественно практическим импульсам; последние, правда, способствуют их развитию, но не могли бы их породить.

Потребность в порядке и прогрессе

Эти умственные нужды, относящиеся, как и все другие, к регулярному выполнению соответственных функций, требуют всегда счастливого сочетания прочности и активности, откуда одновременно вытекают потребности в *порядке* и *прогрессе*, или в связи и расширении. В продолжение долгого младенческого состояния человечества теолого-метафизические концепции единственно могли, согласно нашим предыдущим объяснениям, предварительно удовлетворять, хотя крайне несовершенным образом, этому двоякому основному условию. Но когда человеческий ум, наконец, достаточно созрел, чтобы открыто отказаться от недоступных ему исследований и мудро сосредоточить свою деятельность в области, оценка которой действительно доступна нашим способностям, тогда положительная философия поистине доставляет ему во всех отношениях гораздо более полное и более реальное удовлетворение этих двух элементарных потребностей. Таково, очевидно, с этой новой точки зрения, прямое назначение открываемых ею законов различных явлений и нераздельного с ними рационального предвидения.

Связь по подобию и по преемственности: статика и динамика отношений

Относительно каждого рода событий в этих законах должно, в этом отношении, различать два класса, смотря по тому, связывают ли они по *подобию* события сосуществующие, или – по преемственности – следующие друг за другом. Это необходимое различие в основе своей соот-

ветствует во внешнем мире тому, что само собой представляется нам всегда между двумя соотносительными состояниями существования и движения; отсюда во всякой реальной науке вытекает основное различие между *статической* и *динамической* оценками какого-либо предмета. Оба вида отношений одинаково способствуют объяснению явлений и равным образом приводят к возможности их предвидеть, хотя законы гармонии кажутся сначала назначенными преимущественно для объяснения, а законы последовательности для предвидения. В самом деле, о чем бы ни шла речь, — об объяснении или предвидении, все сводится постоянно к объединению: сверх того, всякая реальная связь, статическая или динамическая, открытая между двумя какими-либо явлениями, позволяет одновременно объяснять и предвидеть одно на основании другого; ибо научное предвидение согласуется, очевидно, с настоящим и даже с прошлым столь же хорошо, как и с будущим, и постоянно заключается в познании факта независимо от его прямого исследования, на основании уже известных его отношений с другими фактами.

Так, например, сходство, установленное между небесным и земным тяготениями, привело, на основании резких изменений первого, к предвидению слабо выраженных вариаций второго, которые прямое наблюдение не могло удовлетворительно вскрыть, хотя оно их впоследствии подтвердило; точно так же, в обратном смысле, издревле замеченное совпадение периодов морского прилива и отлива, дало возможность объяснить лунный день тотчас, как было признано, что подъем воды в каждом пункте является результатом прохождения луны через меридиан данного места.

Все наши истинные логические потребности таким образом по существу сводятся к следующему общему назначению: по возможности укреплять посредством наших систематических умозрений самопроизвольное единство наших суждений, строя непрерывность и однородность наших различных концепций так, чтобы равным образом удовлетворять требованиям одновременно порядка и прогресса, заставляя нас вновь находить постоянство среди разнообразия. Но с этой основной точки зрения очевидно, что положительная философия необходимо допускает у хорошо подготовленных умов наличность способности, далеко превосходящей ту, которую теолого-метафизическая философия когда-либо могла предоставить. Рассматривая последнюю даже во времена ее наибольшего одновременно умственного и социального влияния, т.е. в фазисе политеизма, мы видим, что

Создание единства каждого ума, делая наши различные концепции непрерывными и однородными

интеллектуальное единство было даже тогда построено гораздо менее совершенно, менее прочно, чем это в будущем позволит сделать всеобщее преобладание положительного духа, когда он распространится, наконец, на самые важные умозрения. Тогда будет повсюду, на самом деле, господствовать в различных видах и в различных степенях то удивительное логическое построение, простейшие знания которого единственно могут нам дать теперь справедливое понятие – построение, где связь и расширение, обеспеченные каждое со всей полнотой, сами собой оказываются, сверх того, солидарными.

Этот великий философский результат не требует другого необходимого условия, кроме постоянного обязательства ограничивать все наши умозрения действительно доступными исследованиями, рассматривая эти реальные отношения либо по сходству, либо по последовательности, как могущие составлять для нас только простые общие факты, которые нужно всегда стремиться свести к возможно меньшему количеству, не рассчитывая когда-либо, сообразно основному характеру положительного мышления, проникнуть в тайну их образования. Но если это действительное постоянство естественных связей есть на самом деле единственно доступное нашей оценке, то оно одно также вполне достаточно для удовлетворения всех наших потребностей, как созерцания, так и направления нашей деятельности.

Умственное единство не может быть объективным

19. Важно, однако, признать в принципе, что при положительном образе мышления гармония наших концепций неизбежно оказывается в известной степени ограниченной в силу основного для них обязательства быть *реальными*, т.е. достаточно соответствовать независимым от нас типам. В своем бессознательном, инстинктивном стремлении связывать наш ум почти всегда ищет возможности сочетать между собой два каких-либо одновременных или последовательных явления; но изучение внешнего мира, напротив, доказывает, что многие из этих сближений были бы нелепыми и что масса явлений совершаются непрерывно без всякой истинной взаимной зависимости; отсюда эта необходимая склонность нуждается более, чем какая-либо другая, в регуляторе, которым может явиться ясная общая оценка.

Привыкший в течение долгого времени к своего рода единству учения, как бы смутно и призрачно оно ни было при господстве теологических фикций и метафизических сущностей, – человеческий разум, переходя к положительной стадии, стремился сначала сводить

все различные классы явлений к единому общему закону. Но все попытки, сделанные в течение последних двух веков для получения всеобщего объяснения природы, привели только к окончательному дискредитированию этого предприятия, отныне предоставленного лишь мало просвещенным умам. Основательное исследование внешнего мира представило его гораздо менее связным, чем это предполагает или желает наш ум, который, вследствие своей собственной слабости, более расположен умножать отношения, благоприятные для его движения и в особенности для его покоя.

Невозможность
приведения
сложного мира
к единому
положительному
закону

Не только все шесть основных категорий, которые мы ниже различаем между естественными явлениями, не могли быть приведены к единому универсальному закону, но вполне позволительно утверждать теперь, что единство объяснения, преследуемое еще столькими серьезными умами, относительно каждой из них, взятой в отдельности, окончательно закрыто для нас даже в этой, весьма ограниченной области. Астрономия в этом отношении породила слишком эмпирические надежды, безусловно, неосуществимые относительно более сложных явлений не только в области физики в собственном смысле, пять главных отраслей которой, несмотря на их бесспорные отношения между собою, останутся всегда отличными друг от друга. Философы часто расположены значительно преувеличивать логические неудобства такого необходимого разъяснения, так как плохо оценивают реальные преимущества, представляемые преобразованием индукций в дедукции.

Тем не менее нужно открыто признать эту прямую невозможность все приводить к единому положительному закону, как серьезное несовершенство, неизбежное следствие человеческой организации, заставляющей нас применять чрезвычайно слабый ум для объяснения чрезвычайно сложного мира.

Умственное
единство
субъективно

20. Но эта бесспорная необходимость, которую важно признать во избежание всякой напрасной затраты умственных сил, нисколько не мешает реальной науке допускать, с другой точки зрения, достаточное философское единство, равносильное тем единствам, какие временно создают теология и метафизика, и, сверх того, чрезвычайно их превосходящее как своей прочностью, так и полнотой. Чтобы понять возможность такого единства и оценить его природу, нужно сначала прибегнуть к блестящему общему различению, установленному Кантом между двумя точками зрения – *объективной* и *субъективной*, свойственными всякому исследованию.

Научные концепции – реальность человечества, а не объективного мира

Наши реальные знания

Рассматриваемая с одной точки зрения, т.е. со стороны внешнего назначения наших теорий, наша наука как точное представление реального мира, конечно, не поддается полной систематизации в силу неизбежного различия, существующего между основными явлениями. В этом смысле мы не должны искать другого единства, кроме того, какое представляет положительный метод, рассматриваемый в его целом, без притязания на его истинное научное единство, стремясь только к однородности и сходству различных доктрин.

Совсем иначе обстоит дело, если наша наука оценивается со второй точки зрения, то есть со стороны внутреннего источника человеческих теорий, рассматриваемых как естественные результаты нашей умственной эволюции одновременно индивидуальной и коллективной и предназначенных для нормального удовлетворения каких-либо наших собственных потребностей. Отнесенные таким образом не ко Вселенной, а к человеку или, вернее, к человечеству, наши реальные знания, напротив, стремятся тогда с очевидной самопроизвольностью к полной систематизации, столь же научной, как и логической. Тогда нужно, собственно, рассматривать только одну науку, человеческую науку, или, более точно, социальную, принцип и цель которой составляет наше существование и в которую рациональное изучение внешнего мира естественно входит двояким путем – в виде неизбежного элемента и в виде основного введения, одинаково необходимого как для метода, так и для доктрины, как я это объясню ниже. Именно таким образом наши положительные знания единственно могут образовать истинную систему, которая отличалась бы вполне удовлетворительным характером.

Сама астрономия, хотя объективно более совершенная, чем все другие отрасли естественной философии, вследствие своей чрезвычайной простоты является такой только с человеческой точки зрения; ибо совокупность соображений этого *трактата* даст ясно понять, что она должна была бы, напротив, считаться чрезвычайно несовершенной, если бы ее относить ко Вселенной, а не к человеку; ведь и в астрономии все наши реальные знания по необходимости ограничены нашим миром, который, однако, составляет только ничтожный элемент Вселенной, исследование которой для нас прямо недоступно.

Таково общее направление, которое должно в конце концов возобладать в истинно позитивной философии не только в области теорий, непосредственно относящихся к человеку и обществу, но также и в области теорий, касающихся простейших явлений, кажущихся наиболее уда-

ленными от следующей общей идеи: рассматривать все наши умозрения как продукты нашего ума, предназначенные удовлетворять наши различные основные потребности, удаляясь от человека всегда только для того, чтобы к нему вновь возвратиться по изучении других феноменов постольку, поскольку необходимо их знать как для развития наших сил, так и для оценки нашей природы и нашего состояния. Можно поэтому заметить, каким образом преобладающее понятие человечества должно на положительной стадии давать полную систематизацию мысли, по меньшей мере равносильную той, которая окончательно установилась в теологическом фазисе благодаря великой концепции Бога, столь слабо замененной в течение метафизического переходного времени смутной идеей природы.

Всеобщее распространение основного учения о неизменности естественных законов

21. Охарактеризовав таким образом самопроизвольную способность положительного способа мышления строить окончательное единство нашего ума, не трудно будет дополнить это основное объяснение, распространяя его от индивида на род. Это необходимое расширение было до сих пор по существу невозможным для современных философов, которые, будучи сами лишены возможности окончательно выйти из метафизического состояния, никогда не становились на социальную точку зрения, единственно, однако, доступную полной реальности, как научной, так и логической, ибо человек развивается не изолированно, а коллективно. Изгоняя как нечто совершенно бесплодное (или, вернее, глубоко вредное), эту уродливую абстракцию наших психологов или идеологов, систематическая тенденция положительного духа, которую мы только что рассмотрели, приобретает, наконец, всю свою важность, ибо она указывает в нем истинное философское основание человеческой общественности, по крайней мере постольку, поскольку последняя зависит от ума, огромное влияние которого, хотя отнюдь не исключительное, не может подлежать сомнению.

Строить логическое единство каждого изолированно-го ума или устанавливая продолжительное согласие между различными умами, число которых может оказать существенное влияние лишь на быстроту операции, – это на самом деле одна и та же человеческая проблема, только различных степеней трудности. Поэтому-то во все времена тот, кто мог стать достаточно последовательным, тем самым приобретал способность постепенно соединять других в силу основного сходства нашего рода.

Теологическая философия была в течение младенческого периода человечества единственно способной систематизировать общество только потому, что она была тогда

единственным источником некоторой умственной гармонии. Если же привилегия логического согласования отныне безвозвратно перешла к положительному образу мышления, – что теперь вряд ли может быть серьезно оспариваемо, – то нужно поэтому признать в нем также единый действительный принцип того великого интеллектуального согласия, которое становится необходимым основанием всякой истинной человеческой ассоциации, когда оно надлежащим образом связано с двумя другими основными условиями – достаточным сходством чувств и известным совпадением интересов. Печальное философское положение избранной части человечества достаточно было бы теперь для устранения в этом отношении всякого спора, так как оно обусловлено именно тем обстоятельством, что в настоящее время наблюдается истинная общность мнений только относительно предметов, уже приведенных к положительным теориям, но, к несчастью, являющихся далеко не самыми важными. Прямое и специальное рассмотрение вопроса легко показало бы, сверх того, что единственно положительная философия может постепенно осуществить этот великий план всемирной ассоциации, который католичество в Средние века начертало впервые, но который в основе был по существу несовместим, – как это вполне доказал опыт, – с теологической природой философии католицизма, установившей слишком слабую логическую связь, чтобы быть способной проявить такую социальную силу.

II. Гармония между наукой и искусством, между положительной теорией и практикой

Наука влияет
не только
на умозрение,
но и на практиче-
скую жизнь

22. Охарактеризовав достаточно основную способность положительного мышления по отношению к умозрительной жизни, нам остается рассмотреть его также в применении к конкретной жизни, где оно, не обнаруживая никакого действительно нового свойства, проявляет гораздо полнее и, в особенности гораздо определеннее все те качества, которые мы за ним признали. Хотя теологические концепции были даже в этом отношении долгое время необходимы, дабы возбуждать и поддерживать смелость человека косвенной надеждой на своего рода бесконечное господство, тем не менее именно в данном случае человеческий разум должен был прежде всего засвидетельствовать свое окончательное предпочтение реальным знаниям. В самом деле положительное изучение природы начинает теперь пользоваться всемирным одобрением, именно как рациональное основание воздействия человечества на внешний мир. Ничто не являет-

ся в основе более мудрым, чем это грубое и само собой являющееся суждение, ибо такое назначение, когда оно надлежащим образом оценено, неизбежно напоминает, в форме наиболее удачно сокращенной, все великие черты истинного философского духа как относительно рациональности, так и касательно положительности. Естественный порядок, вытекающий в каждом практическом случае из совокупности законов соответственных явлений, должен, очевидно, быть нам сначала хорошо известен для того, чтобы мы могли либо его изменять в наших интересах, либо, по крайней мере, приспособлять к нему наше поведение, если, как и в области небесных явлений, всякое человеческое вмешательство здесь невозможно.

Значение
рационального
предвидения

Такое применение в особенности способно сделать широко доступной оценку того рационального предвидения, которое, как мы видели, составляет во всех отношениях главную характерную черту истинной науки, ибо чистая эрудиция, где реальные, но не связанные знания заключаются в фактах, а не в законах, не могла бы, очевидно, удовлетворительно руководить нашей деятельностью. Было бы излишне дольше останавливаться на столь бесспорном объяснении.

Наука организует
искусство

Правда, чрезмерное предпочтение, оказываемое теперь материальным интересам, слишком часто приводило к пониманию этой необходимой связи в смысле, сильно компрометирующем будущность науки, порождая стремление ограничивать положительные умозрения исследованиями непосредственной полезности. Но эта бессознательная склонность обусловлена только ложным и узким представлением о важном взаимоотношении науки и *искусства*, страдающим отсутствием достаточно глубокой оценки их значения.

Из всех наук астрономия наиболее способна избавиться от такой тенденции, как потому, что ее чрезвычайная простота позволяет лучше уловить ее совокупность, так и в силу большей естественности соответственных применений, которые в течение двадцати веков оказываются очевидно связанными с наиболее возвышенными умозрениями; в настоящей работе мы это дадим ясно понять. Но в особенности важно признать по этому поводу, что основное отношение между наукой и искусством не могло до настоящего времени надлежащим образом быть достигнуто даже лучшими умами в силу необходимого следствия, вытекающего из недостаточного расширения естественной философии, которая еще остается чуждой наиболее важным и наиболее трудным исследованиям, касающимся непосредственно человеческого общества.

В самом деле рациональная концепция воздействия человека на природу, оставаясь таким образом по существу ограниченной неорганическим миром, вызвала бы слишком слабое научное возбуждение. Когда этот громадный пробел будет достаточно восполнен, когда завершится уже теперь начавшийся процесс, можно будет понять основную важность этого великого практического назначения, – обычно побуждать и часто даже лучше направлять наиболее выдающиеся умозрения при одном нормальном условии постоянной положительности. Ибо искусство будет тогда не исключительно геометрическим, механическим или химическим и т.д., но также и, в особенности политическим и моральным, так как главная деятельность человечества должна во всех отношениях состоять в непрерывном улучшении своей собственной индивидуальной или коллективной природы в пределах, указываемых, как во всех других случаях, совокупностью всех реальных законов.

Солидарность науки с искусством

Когда эта сама собой возникающая солидарность науки с искусством сможет быть надлежащим образом организована, то не подлежит сомнению, что, весьма далекая от стремления ограничивать здоровые философские умозрения, она, напротив, предназначила бы им окончательную функцию, слишком превосходящую их действительные силы, если бы наперед не была признана, как общий принцип, невозможность сделать когда-либо искусство чисто рациональным, т.е. поднять наши теоретические предвидения на действительный уровень наших практических потребностей. Даже в наиболее простых и наиболее совершенных искусствах прямое и самопроизвольное развитие остается всегда необходимым, и научные указания ни в коем случае не могут совершенно заменять такое название. Как бы удовлетворительны ни стали, например, наши астрономические предвидения, их точность является еще и, вероятно, будет всегда ниже наших справедливых практических требований, как мне часто придется на это в дальнейшем указывать.

Социальное назначение точно определять и дополнять искания законов

23. Эта самопроизвольная тенденция непосредственно построить полную гармонию между умозрительной и конкретной жизнью должна быть окончательно рассматриваема как наиболее счастливая привилегия положительного духа, и никакое другое свойство не может столь же хорошо обнаружить истинный характер его, а также облегчить его реальное влияние.

Наш умозрительный пыл, таким образом, поддерживается и даже руководится могучим и непрерывным возбуждением, без которого естественная косность

нашего ума расположила бы его удовлетворять свои слабые теоретические потребности легкими, но недостаточными объяснениями, между тем как мысль об окончательном действии напоминает всегда условие – соблюсти надлежащую точность. В то же время это великое практическое назначение дополняет и ограничивает в каждом случае основное предписание, относящееся к открытию естественных законов, способствуя определению, согласно требованиям применения, степени точности и обширности нашей рациональной предусмотрительности, правильное измерение которой не могло бы быть вообще установлено другим путем.

Необходимость
научного совершенствования

Если, с одной стороны, научное совершенствование не может перейти этот предел, ниже которого оно, напротив, всегда действительно будет находиться, то оно не могло бы, с другой, его открыть, не рискуя тотчас впасть в слишком мелочную оценку, столь же нелепую, сколь бесплодную, которая даже окончательно поколебала бы доверие ко всем основаниям истинной науки, так как наши законы могут всегда представлять явления только с известным приближением, дальше которого было бы так же опасно, как и бесполезно, углублять наши исследования. Когда это основное отношение науки к искусству будет надлежащим образом систематизировано, оно иногда, без сомнения, будет стремиться дискредитировать теоретические попытки, коренная бесплодность которых была бы бесспорна; но далекое от того, чтобы создавать какое-либо реальное затруднение, это неизбежное направление станет тогда чрезвычайно благоприятным для наших истинных умозрительных интересов, предупреждая напрасную затрату наших слабых умственных сил, обусловливаемую теперь очень часто слепой специализацией.

Поиск истинного
отношения части
к целому

В своей предварительной эволюции человеческий разум должен был отдаваться всюду вопросам, ставшим для него доступными, не вдаваясь слишком в оценку их окончательной важности и не зная их собственного отношения к совокупности, которая сначала не могла быть замечена. Но этот временный инстинкт, без которого наука часто нуждалась бы тогда в надлежащей пище, должен будет в конце концов подчиниться справедливой систематической оценке, коль скоро полная зрелость положительного состояния позволит в достаточной степени уловить всегда истинные основные отношения каждой части к целому, с тем чтобы постоянно доставлять широкое назначение наиболее глубоким исследованиям, избегая, однако, всякого ребяческого умозрения.

Промышленная жизнь благоприятствует замене теологического метода положительным

Политеизм и монотеизм

24. Относительно этой тесной гармонии между наукой и искусством важно, в особенности, отметить обуславливаемую ею счастливую тенденцию развивать и укреплять социальное влияние здоровой философии в силу следствия, само собой вытекающего из возрастающего преобладания, очевидно приобретаемого промышленной жизнью в нашей современной цивилизации. Теологическая философия могла действительно соответствовать только той необходимой эпохе предварительной общественности, когда человеческая деятельность должна была быть преимущественно военной, дабы постепенно подготовить нормальное и совершенное общество, которое, согласно исторической теории, установленной мною в другом месте, не могло сначала существовать.

Политеизм преимущественно приспособлялся к древней завоевательной системе, а монотеизм – к средневековой оборонительной организации. Доставляя все большее и большее преобладание промышленной жизни, новейшая общественность должна таким образом сильно благоприятствовать великому перевороту в области мысли, окончательно поднимающему теперь наш ум от теологического к положительному состоянию. Это деятельное повседневное стремление к практическому улучшению человеческого существования не только мало совместимо с религиозными предубеждениями, всегда преследующими, в особенности при монотеизме, совершенно другие цели, но такая деятельность, сверх того, способна по своей природе породить, в конце концов, всемирную оппозицию всякой теологической философии, столь же радикальную, как и естественную.

В самом деле, с одной стороны, промышленная жизнь в основе прямо противоречит всякому провиденциальному оптимизму, ибо она необходимо предполагает, что естественный порядок достаточно несовершенен для того, чтобы непрерывно требовать человеческого вмешательства, между тем как теология логически не допускает другого средства изменения, как обращение за содействием к сверхъестественной силе. С другой стороны, это противоречие, присущее совокупности наших промышленных концепций, непрерывно воссоздается в чрезвычайно разнообразных формах в процессе совершения наших операций, где мы должны рассматривать внешний мир не как руководимый каким-либо произволом, но как подчиненный законам, позволяющим нам выработать достаточную предусмотрительность, без которых наша практическая деятельность была бы лишена всякого разумного основания.

Таким образом, то же самое основное соотношение, которое делает промышленную жизнь столь благоприятной философскому влиянию положительного мышления, внушает ей в то же время антитеологическую тенденцию, более или менее резкую, но рано или поздно неизбежную, каковы бы ни были беспрестанные мудрые усилия духовенства сдержать или умерить антипромышленный характер первоначальной философии, сносно уживаться с которой мог только воинственный быт. Такова тесная солидарность, которая издавна заставляет все современные умы, даже наиболее примитивные и наиболее упрямые, невольно участвовать в постепенной замене древней теологической философии философией вполне положительной, единственно отныне способной оказывать действительное социальное влияние.

III. Окончательная несовместимость науки с теологией

Несовместимость
науки и теологии:
в логическом
отношении
и на уровне
доктрин

25. Нам, таким образом, остается пополнить, наконец, непосредственную оценку истинного философского духа одним последним объяснением, которое, являясь преимущественно отрицательным, становится тем не менее действительно необходимым здесь, чтобы закончить полную характеристику природы и условий великого умственного обновления, необходимого теперь избранной части человечества. Это объяснение непосредственно обнаруживает окончательную несовместимость положительных концепции с какими бы то ни было теологическими воззрениями, как монотеистическими, так и политеистическими или фетишистскими.

Различные соображения, приведенные в настоящем рассуждении, уже приблизительно доказали невозможность какого-либо продолжительного согласования между двумя философиями как со стороны метода, так и со стороны доктрины, так что всякое сомнение на этот счет может быть здесь легко рассеяно. Без сомнения, наука и теология вначале не находятся в открытой вражде, так как они не ставят себе одинаковых вопросов, именно это обстоятельство долгое время позволяло положительному мышлению делать частичные успехи, не взирая на общее господство теологической философии, и даже во многих отношениях под ее предварительным покровительством. Но когда рациональный позитивизм, ограниченный сначала скромными математическими исследованиями, которыми пренебрегала теология, начал распространяться на прямое изучение природы, в особенности посредством астрономических теорий, столкновение стало неизбежным, хотя оставалось скрытым, – в силу основного контраста, одновре-

менно научного и логического, прогрессивно развивающегося с этого момента между двумя кругами идей. Логические мотивы, на основании которых наука наотрез отказывается от всяких таинственных проблем, являющихся существенным предметом занятий для теологии, сами по своей природе способны рано или поздно дискредитировать в глазах всех здравомыслящих людей умозрения, изгоняемые только потому, что они безусловно недоступны человеческому разуму.

Сверх того, мудрая осторожность, с которой положительное мышление постепенно оперирует над чрезвычайно легкими предметами, должна косвенно заставить оценить безрассудную смелость теологии по отношению к наиболее трудным вопросам. Однако, для большинства умов, обращающих обыкновенно слишком мало внимания на методологические разногласия (хотя последние, являясь необходимым источником всех других, суть наиболее серьезные), – для большинства умов несовместимость этих двух философий должна вполне выясниться преимущественно из доктрин. А под этим новым углом зрения невозможно отрицать коренное противоречие этих двух классов концепций, где одни и те же явления то приписываются произвольным веляниям, то приводятся к неизменным законам. Причудливая изменчивость, естественно присущая всякой идее произвола, никоим образом не может согласоваться с постоянством реальных отношений.

Поэтому, по мере того как физические законы становились известными, господство сверхъестественной воли все более и более ограничивалось и признавалось всегда преимущественно по отношению к явлениям, законы которых оставались неоткрытыми. Эта несовместимость становится непосредственно очевидной, если противопоставить рациональное предвидение, составляющее главную характерную черту истинной науки, пророчеству, вытекающему из специального откровения, которое теология вынуждена представить как единственное правильное средство узнавать будущее. Правда, положительный дух, достигши своей полной зрелости, стремится также подчинять самое волю истинным законам, существование которых действительно молча предполагается примитивным разумом, ибо иначе практические усилия изменять и предвидеть человеческие хотения не имели бы никакого разумного основания. Но такое понятие отнюдь не приводит к примирению этих двух противоположных способов, согласию которым наука и теология необходимо рассматривают действительное управление различными явлениями.

Ибо подобное предвидение и вытекающее отсюда поведение требуют, очевидно, глубокого реального знания существа, в котором эти хотения рождаются. А создать это предварительное основание могло бы существо, по меньшей мере равное, рассматриваемое таким образом по сходству, невозможно предположить это сходство по отношению к существу низшего порядка, и противоречие увеличивается наряду с неравенством природы. Поэтому притязания теологии всегда проникать в предначертания Провидения были совершенно безрассудны, подобно тому, как было бы нелепо предположить у низших животных способность предвидеть желания человека или других высших животных. Однако именно к этой бессмысленной гипотезе неминуемо пришлось бы прибегнуть для окончательного согласования теологического духа с положительным.

Разлад науки с религией обнаруживается в ходе развития: наука – фактор преобразований

26. Их коренное, применимое ко всем существенным фазисам первоначальной философии противоречие, рассматриваемое исторически, издавна было общепризнано относительно тех ее стадий, которые уже совершенно миновали наиболее передовые народы. Несомненно даже, что касательно последних слишком преувеличили эту несовместимость, вследствие абсолютного презрения, которое наши монотеистические привычки внушают нам к первым состояниям теологического режима.

Здоровая философия, обязанная всегда оценивать необходимую форму, в которой каждый из великих последовательных фазисов развития человечества действительно содействовал нашей основной эволюции, заботливо устранит эти несправедливые предрассудки, мешающие всякой истинной исторической теории. Но хотя политеизм и даже фетишизм сначала действительно благоприятствовали самопроизвольному подъему духа наблюдения, должно, однако, признать, что они не могли быть истинно совместимыми с постепенно создающимся сознанием несовместимости физических отношений, тотчас, как это сознание сумело приобрести некоторое систематическое постоянство.

Поэтому нужно рассматривать это неизбежное противоречие как тайный источник различных преобразований, которые последовательно разложили теологическую философию, все более и более суживая ее. Здесь уместно пополнить необходимое объяснение, приведенное в начале этого *рассуждения*, где это постепенное разрушение было главным образом приписано метафизике в собственном смысле, которая в сущности могла быть только простым орудием, но никак не истинным фактором. Нужно заметить, что положительный дух вследст-

вие отсутствия обобщения, долженствовавшего характеризовать его медленную частичную эволюцию, не мог надлежащим образом формулировать свои собственные философские стремления, едва ставшие заметными в течение этих последних веков. Отсюда вытекала настоятельная необходимость вмешательства метафизики, которая единственно могла соответственно систематизировать само собой возникающий антагонизм между рождающейся наукой и древней теологией. Но, хотя такая функция должна была побуждать слишком преувеличивать действительную важность этой философии переходного времени, легко, однако, признать, что единственно естественный прогресс реальных знаний сообщал серьезность и прочность ее шумливой деятельности. Этот беспрерывный прогресс, который, в сущности, вначале и обусловил преобразование фетишизма в политеизм, преимущественно составлял затем существенный источник превращения политеизма в монотеизм.

Так как столкновение должно было совершиться главным образом на почве астрономических теорий, то этот *трактат* доставит мне естественный случай охарактеризовать точную степень их развития, единственно действительно определившего безвозвратный умственный упадок политеистического режима, который мы тогда признаем логически несовместимым с окончательным основанием математической астрономии школой Фалеса.

27. Рациональное изучение этого критического направления ясно доказывает, что оно не могло ограничиваться древней теологией и что оно должно было затем распространиться и на монотеизм, хотя его энергия должна была одновременно в нем с необходимостью убывать по мере того, как теологический дух продолжал дряхлеть в силу того же самопроизвольного прогресса. Без сомнения, этот крайний фазис первоначальной философии был гораздо менее, чем предшествовавшие ему, противен подъему реальных знаний, не встречавших более на каждом шагу опасного соперничества в виде специально сформулированного сверхъестественного объяснения. Поэтому-то именно при монотеистическом режиме должна была завершиться предварительная эволюция положительного мышления. Но несоответствие, став менее резким и более запоздалым, оставалось тем не менее окончательно неизбежным даже накануне той эпохи, когда новая философия стала достаточно общей, чтобы принять истинно органический характер, безвозвратно заменяя теологию в ее социальной функции, также как и в ее умственном назначении.

Наука заменяет
монотеизм
идейно и социально

Так как спор должен был еще преимущественно вестись на почве астрономии, то я покажу здесь с точностью, какая более ранняя эволюция необходимо обусловила распространение – до более простого монотеизма – ее коренного противоречия, касавшегося прежде только политеизма в собственном смысле: тогда ясно станет, что это неизбежное влияние вытекает из открытия двойного движения Земли, следовавшего вскоре после основания небесной механики. Можно утверждать, что при настоящем состоянии человеческого разума монотеистический образ мышления, благоприятствовавший в течение долгого времени первоначальному подъему реальных знаний, сильно препятствует систематическому ходу, который они должны отныне принять, мешая основному сознанию неизменности физических законов приобрести, наконец, свою необходимую философскую полноту. Ибо постоянная мысль о внезапном произвольном возмущении в естественной экономике должна всегда оставаться нераздельной, по крайней мере, скрытно, со всякой, какой бы то ни было, теологической идеей, хотя бы даже по возможности сокращенной. Не будь в самом деле этого препятствия, которое может быть устранено только при полном упразднении теологического духа, повседневное зрелище реального порядка вызвало бы уже теперь всеобщее согласие с основным принципом положительной философии.

Решительное проявление положительного метода: метафизический компромисс

28. Задолго до того момента, когда развитие науки позволило непосредственно оценить это коренное противоречие, метафизика, руководимая своим тайным побуждением, пыталась сузить, в недрах самого монотеизма, влияние теологии, доставляя в последний период Средневековья отвлеченное преобладание знаменитой схоластической доктрине, подчиняющей действия верховного руководителя неизменным законам, которые он первоначально установил, запретив себе их когда-либо изменять. Но это своего рода самопроизвольное соглашение между теологическим принципом и положительным мышлением очевидно могло иметь только кратковременное существование, способное более облегчить непрерывное падение одного и постепенное торжество другого. Его господству существенно подчинились только просвещенные умы, ибо, покуда вера действительно существовала, народный инстинкт должен был всегда энергично отвергать концепцию, которая в сущности стремилась свести на нет власть Провидения, обрекая его на величавую неподвижность, и которая предоставляла всю обычную деятельность великой метафизической сущности – Природе, приобщая ее таким образом к правильному управ-

лению Вселенной в качестве обязательного и ответственного министра, к которому отныне должна была направляться большая часть жалоб и просьб.

Мы видим, что эта концепция во всех существенных точках зрения очень похожа на идею конституционного монарха, приобретающую при современном положении вещей все более и более преобладания; и эта аналогия отнюдь не случайная, ибо теологический порядок явился рациональным основанием политического строя. Эта противоречивая доктрина, разрушающая социальную силу теологического принципа, но не освещающая основного превосходства положительного мышления, не может соответствовать никакому истинно нормальному и продолжительному состоянию: она составляет только наиболее могучее из средств перехода, годных для последней необходимой разрушительной работы метафизического мышления.

Замена догмата
конечных причин
принципом условий
бытия

29. Наконец, неизбежное несоответствие науки с теологией должно было также обнаружиться в другой общей форме, специально приспособленной к монотеистическому состоянию, вскрывая все более и более коренное несовершенство реального порядка, так резко противоречащего необходимому провиденциальному оптимизму. Этот оптимизм должен был, без сомнения, оставаться долгое время согласимым с самопроизвольным развитием положительных знаний, ибо первый анализ природы должен был тогда внушать всюду наивное восхищение при виде того, как совершаются главные явления, составляющие действительный порядок. Но это первоначальное направление также неизбежно затем исчезает по мере того, как положительное мышление, принимая все более и более систематический характер, заменяет постепенно догму о конечных причинах принципом *условий существования*, обладающим в наивысшей степени всеми логическими свойствами этой догмы и не страдающим ни одним из серьезных научных недостатков. Тогда перестают удивляться тому, что организация естественных существ оказывается устроенной так, что в каждом случае зависящие от них явления могут совершаться беспрепятственно.

Изучая внимательно эту неизбежную гармонию с единственным намерением лучше познать ее, люди в конце концов замечают коренные несовершенства, которыми во всех отношениях отличается реальный порядок, почти всегда уступающий в мудрости искусственной экономии, устанавливаемой нашим слабым человеческим вмешательством в ограниченных, доступных ему пределах. Так как эти естественные пороки

должны быть тем больше, чем сложнее рассматриваемые явления, то неопровержимые указания, которые дает нам в этом отношении совокупность астрономических знаний, будут достаточны здесь для того, чтобы дать возможность предвидеть, насколько подобная оценка должна распространиться с новой философской энергией на все другие основные части реальной науки.

Но в особенности важно понять, что вообще эта критика имеет не только временное значение в качестве антитеологического средства. Она связывается более тесно и более прочно с основным духом положительной философии в общем отношении, существующем между умозрением и действием. Если, с одной стороны, наше постоянное активное вмешательство покоится прежде всего на точном знании естественной экономии, лишь прогрессивным улучшением которой должна являться во всех отношениях наша искусственная экономия, то, с другой, не менее ясно, что мы, таким образом, предполагаем необходимое несовершенство того самопроизвольного порядка, постепенное изменение которого является повседневной цепью наших индивидуальных и коллективных усилий.

Оставляя в стороне всякую временную критику, справедливая оценка различных недостатков, свойственных действительному устройству реального мира, должна, таким образом, отныне рассматриваться как присущая совокупности положительной философии даже относительно недоступных нашим слабым средствам усовершенствования случаев, дабы лучше познать как наше основное состояние, так и существенное назначение нашей непрерывной деятельности.

Глава третья СООТНОСИТЕЛЬНЫЕ СВОЙСТВА ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ И ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА

I. О слове «положительное»: его различные значения определяют свойства истинного философского мышления

Свойства истинной философии определяются значениями слова «положительное»

30. Само собой получающееся стечение различных общих соображений, приведенных в этом рассуждении, позволяет с достаточной полнотой охарактеризовать здесь все главные черты истинного философского мышления, достигающего теперь, после медленной предварительной эволюции, своего систематического состояния. В виду очевидной необходимости, в которую мы отныне поставлены, — квалифицировать его обыкновенно кратким специальным наименованием, — я должен был предпочесть

то, которое, благодаря предварительной работе последних трех веков, приобрело драгоценное свойство кратко и, по возможности, лучше выражать его основные атрибуты.

Как все народные выражения, возвышенные таким образом постепенно до философского достоинства, слово *положительное* (positif) имеет в наших западных языках много различных значений, даже если отбросить грубый смысл, придаваемый ему сначала мало просвещенными людьми. Но важно отметить здесь, что все эти различные значения соответствуют, равным образом, новой общей философии, различные характерные свойства которой они попеременно выражают.

Таким образом, эта кажущаяся двусмысленность отныне не создает никакого реального неудобства. В ней, напротив, нужно будет усматривать один из главных примеров этой удивительной сжимаемости формул, благодаря которой у передовых народов под одним общепотребительным выражением соединяется много разных значений, когда общественный рассудок сумел признать их постоянную связь.

31. Рассматриваемое сначала в его более старом и более общем смысле, слово *положительное* означает *реальное* в противоположность химерическому. В этом отношении оно вполне соответствует новому философскому мышлению, характеризующему тем, что оно постоянно посвящает себя исследованиям, истинно доступным нашему разуму, и неизменно исключает непроницаемые тайны, которыми он преимущественно занимался в период своего младенчества. Во втором смысле, чрезвычайно близком к предыдущему, но, однако, от него отличным, это основное выражение указывает на контраст между *полезным* и *негодным*. В этом случае оно напоминает в философии о необходимом назначении всех наших здоровых умозрений – непрерывно улучшать условия нашего действительного индивидуального или коллективного существования, вместо напрасного удовлетворения бесплодного любопытства. В своем третьем обычном значении это удачное выражение часто употребляется для определения противоположности между *достоверным* и сомнительным, оно указывает, таким образом, характерную способность этой философии самопроизвольно создавать между индивидуумом и духовной общностью целого рода логическую гармонию взамен тех бесконечных сомнений и мышления. Четвертое обыкновенное значение, очень часто смешиваемое с предыдущим, состоит в противопоставлении *точного* смутному. Этот смысл напоминает

Отличия
положительного
мышления
от других
философских
методов: реально,
полезно,
достоверно, точно

Органический характер положительного мышления отличает его от метафизического духа

ет постоянную тенденцию истинного философского мышления добиваться всюду степени точности, совместимой с природой явлений и соответствующей нашим истинным потребностям; между тем как старый философский метод неизбежно приводит к сбивчивым мнениям, признавая необходимую дисциплину только в силу постоянного давления, производимого на него сверхъестественным авторитетом.

32. Наконец, нужно отметить особо пятое применение, менее употребительное, чем другие, хотя столь же всеобщее – когда слово положительное употребляется как противоположное *отрицательному*. В этом случае оно указывает одно из наиболее важных свойств истинной новой философии, представляя ее как назначенную, по своей природе, преимущественно не разрушать, но *организовать*. Четыре общие характерные черты, которые мы только что отметили, отличают ее одновременно от всех возможных форм, как теологических, так и метафизических, свойственных первоначальной философии. Последнее же значение, указывая, сверх того, постоянную тенденцию нового философского мышления, представляет теперь особенную важность для непосредственного определения одного из его главных отличий уже не от теологической философии, которая была долгое время органической, но от метафизического духа в собственном смысле, который всегда мог быть только критическим.

Каково бы, в самом деле, ни было разрушительное действие реальной науки, это ее влияние было всегда косвенным и второстепенным: сама ее недостаточная систематизация не позволяла ей до сих пор носить иной характер; и великая органическая функция, выпавшая ей теперь на долю, отныне оказалась бы в противоречии с таким побочным качеством, которое она, сверх того, стремится сделать излишним. Правда, здоровая философия коренным образом изгоняет эти вопросы, неизбежно неразрешимые, но, мотивируя необходимость отбрасывать их, она избегает надобности в том или ином смысле их отрицать, что было бы противно тому систематическому упразднению, в силу которого должны пасть все мнения, действительно не поддающиеся обсуждению. Более беспристрастная и более терпимая относительно каждого из них, в виду ее общего безразличия (отношение, которым не могут похвастать их разномыслящие приверженцы), она задается целью исторически оценить их взаимное влияние, условия их продолжительного существования и причины их упадка. При этом она

никогда ничего безусловно не отрицает даже там, где речь идет об учениях, наиболее противных современному состоянию человеческого разума у избранной части народов; именно таким образом она отдает сугубую справедливость не только различным системам монотеизма вроде той, которая на наших глазах доживает свои последние минуты, но также верованиям политеизма или даже фетишизма, относя их всегда к соответственным фазисам основной эволюции. С догматической стороны она, сверх того, держится того взгляда, что всякие, какие бы-то ни было, концепции нашего воображения, по своей природе неизбежно недоступных никакому наблюдению и не могут поэтому подлежать ни действительно решительному отрицанию, ни такому же утверждению. Никто, без сомнения, никогда логически не доказал несуществования Аполлона, Минервы и т.д., ни небытия восточных фей или различных героев поэтических вымыслов; тем не менее, это обстоятельство нисколько не помешало человеческому разуму безвозвратно оставить древние учения, когда они, наконец, перестали соответствовать его состоянию.

Относительный характер положительного мышления

33. Единственная существенная характерная черта нового философского мышления, которая не была бы еще непосредственно указана словом положительное, состоит в его необходимой тенденции заменять всюду абсолютное относительным. Но это великое свойство, одновременно научное и логическое, до того присуще основной природе реальных знаний, что его общее рассмотрение не замедлит войти в тесную связь с различными взглядами, уже вошедшими в сочетание этой формулы, когда новый строй мысли, до сих пор частичный и эмпирический, перейдет повсюду к систематическому утверждению. Пятое значение, которое мы только что рассмотрели, в особенности способно определять эту сжатость вполне установленного нового философского языка по очевидному сходству двух свойств.

Понятно, в самом деле, что абсолютная природа древних учений, как теологических, так и метафизических, неизбежно обуславливала отрицательное отношение каждого из них ко всем другим, так как иначе им угрожало самим выродиться в бессмысленный эклектизм. Напротив, именно в силу относительности своего духа новая философия может всегда входить в оценку собственного достоинства противных теорий, не склоняясь, однако, никогда к напрасным уступкам, могущим затемнять ясность ее взглядов и ослаблять твердость ее решений.

Позволительно, таким образом, на основании всего предшествовавшего специального рассмотрения предположить, что употребляемая здесь формула для обычного определения этой окончательной философии будет иметь в умах всех здравомыслящих полное действительное сочетание ее различных характерных свойств.

II. Соотношение – в начале самопроизвольное, затем систематическое – между положительным мышлением и всеобщим здравым смыслом

Тождество
и различие
положительного
мышления
и здравого смысла

34. При исследовании основного начала этого философского метода приходится вскоре признать, что его самопроизвольное зарождение действительно совпадает с первоначальными практическими упражнениями человеческого разума: ибо совокупность объяснений, приведенных в этом «слове», ясно доказывает, что все главные свойства этого метода в сущности ничем не отличаются от свойств всеобщего здравого смысла. Не взирая на умственное влияние наиболее грубой теологии, повседневное течение действительной жизни должно было относительно каждого класса явлений указывать всегда некоторые признаки естественных законов и порождать соответственные предвидения в некоторых частных случаях, казавшихся тогда только второстепенными или исключительными, – а таковы, действительно, необходимые зародыши положительной философии, долженствовавшей долгое время оставаться эмпирической, прежде, чем она смогла стать рациональной.

Весьма важно понять, что в существе дела истинный философский дух всюду состоит преимущественно в систематическом расширении простого здравого смысла на все действительно доступные умозрения. Их область совершенно тождественна, ибо величайшие вопросы здоровой философии связываются всюду с простейшими явлениями, по отношению к которым искусственные случаи составляют только более или менее необходимое подготовление. И тот, и другой имеют одну и ту же экспериментальную точку отправления, преследуют одну и ту же цель – объединять и предусматривать, оба одинаково постоянно заботятся о реальности и окончательным пределом своих стремлений равным образом считают полезность. Все их существенное различие заключается в систематической общности одного, зависящей от его необходимой отвлеченности, противоположной несвязной специализации другого, всегда занятого конкретным.

Положительные умозрения черпают в простом рассудке свои первичные основания

35. С догматической стороны эта основная связь представляет науку в собственном смысле слова, как простое методическое продолжение всеобщей мудрости. Поэтому здоровые философские умозрения, далекие от того, чтобы когда-либо подвергаться сомнению вопросы, которые верно разрешила такая мудрость, заимствуют всегда у простого рассудка свои первоначальные понятия, дабы возвести их путем систематической обработки на степень общности и постоянства, которой они сами собой не могли достигнуть. В течение всего процесса этой обработки постоянный контроль этой примитивной мудрости имеет, сверх того, чрезвычайную важность, как порождаемый потребностью или фантазией, которые часто оказывают свое влияние при непрерывном состоянии отвлечения, необходимом для философской деятельности.

Несмотря на их необходимое свойство, собственно здравый смысл преимущественно заботится о реальности и полезности, между тем как специально философское мышление более занимается оценкой общности и связи, так что их двоякое повседневное взаимодействие становится одинаково благотворным для каждого из них, укрепляя их основные качества, которые иначе естественно изменялись бы. Это отношение ясно указывает, насколько тщетны и бесплодны спекулятивные исследования, имеющие предметом *первичные основоположения* какого-либо вопроса, которые, долженствуя всегда исходить из народной мудрости, не принадлежат никогда к области истинной науки; они, напротив, составляют ее сами собой являющиеся основания и поэтому не подлежат обсуждению; это положение устраняет массу праздных или опасных споров, оставленных нам прежним строем мышления. Можно равным образом понять совершенную и окончательную тщетность всех предварительных изучения, относящихся к отвлеченной логике, где речь идет об оценке истинного философского метода независимо от применения его к какому-либо классу явлений.

В самом деле единственные истинно общие принципы, которые можно было бы установить в этом отношении, сводятся, как это легко проверить на наиболее знаменитых из этих афоризмов, к некоторым бесспорным, но очевидным правилам, заимствованным у здравого смысла и в действительности ничего существенного не добавляющим к указаниям, вытекающим у всех разумных людей из простой самопроизвольной деятельности мышления.

Что касается способа приспособлять эти всеобщие правила к различным классам наших положительных

умозрений (это составляло бы истинную ценность и реальную полезность таких логических предписаний), то он мог бы быть подвергнут действительной оценке только после специального анализа соответственных знаний, сообразно со специфической природой рассматриваемых явлений. Здоровая же философия никогда не отделяет логики от науки; и так как метод и доктрина могут в каждом случае быть правильно оценены только по их действительным взаимным отношениям, то в сущности невозможно придавать логике, как и науке всеобщий характер посредством чисто отвлеченных концепций, независимых от всяких определенных явлений; попытки этого рода показывают еще тайное явление абсолютного духа, присущего теолого-метафизическому образу мышления.

Положительный метод: связь практического и теоретического разума

36. Эта тесная естественная солидарность между духом, свойственным истинной философии, и всеобщим простым здравым смыслом, рассматриваемая теперь исторически, показывает самопроизвольное зарождение положительного духа, действительно обусловленное всюду специальным воздействием практического рассудка на теоретический разум, первоначальный характер которого таким образом изменялся все более и более. Но это постепенное превращение не могло происходить ни одновременно, ни в особенности с одинаковой скоростью по отношению к различным классам отвлеченных умозрений, которые первоначально, как мы это признали, все были теологическими.

Постоянное конкретное побуждение могло заставить положительный дух проникать туда только согласно определенному порядку, который соответствовал возрастающей сложности явлений и который ниже будет объяснен непосредственно. Отвлеченное положительное мышление, по необходимости рожденное в простейших математических исследованиях и распространенное затем путем само собой возникающего сходства или инстинктивного подражания, могло, таким образом, сначала носить только специальный и, во многих отношениях даже эмпирический, характер, который должен долгое время скрывать от большей части его сторонников как его неизбежную несовместимость первоначальной философией, так и в особенности его основное стремление создать новый логический строй. Его непрерывные успехи под возрастающим давлением здравого смысла могли тогда непосредственно обусловить лишь предварительное торжество метафизического духа, предназначенного, в силу своей самопроизвольной общности, служить ему философским орудием в течение веков, протекших

между теоретическим подготовлением монотеизма и его полным социальным установлением, после чего онтологический порядок, достигнув наибольшего влияния, какого только допускала его природа, вскоре становится угнетающим для научного подъема, которому он дотоле благоприятствовал. Поэтому положительный дух мог достаточно проявить свою собственную философскую тенденцию только тогда, когда это угнетение заставило его, наконец, вступить в специальную борьбу с метафизическим направлением, с которым он должен был долгое время казаться смешанным.

Вот почему первоначальное систематическое основание положительной философии не может восходить дальше памятного кризиса, когда совокупность онтологического порядка начала во всей Западной Европе изнемогать под натиском самих собою сочетавшихся двух замечательных умственных течений – одного научного, созданного Кеплером и Галилеем, другого философского, обязанного своим возникновением Бэкону и Декарту. Несовершенное метафизическое единство, построенное к концу Средних веков, было отныне безвозвратно разрушено подобно тому, как греческая онтология уже навсегда разрушила великое теологическое единство, соответствовавшее политеизму. Начиная с этого действительно решительного кризиса, положительная философия выросла в течение двух веков больше, чем она могла это сделать в продолжение всего своего долгого прошлого, и отныне допускает возможность существования только такого единства, которое вытекало бы из ее собственного всеобщего влияния.

И каждая новая область, последовательно приобретаемая ею, никогда более не может возвратиться ни к теологии, ни к метафизике в силу все чаще наблюдающегося окончательного признания этих возрастающих приобретений здравым смыслом каждого. Именно только путем такой систематизации теоретическая мудрость, обобщая и укрепляя, действительно доставит практическому благоразумию достойную и равносильную компенсацию за важные услуги, оказанные ей последним, сообщавшим ее деятельности реальность и силу в течение ее медленного и постепенного зарождения; по правде сказать, положительные понятия, полученные за последние два века, гораздо более ценны как будущие материалы новой общей философии, чем по их непосредственному и специальному достоинству, так как большая часть из них не приобрела еще своего окончательного характера – ни научного, ни даже логического.

Создание системы
положительной
философии: на пути
к гармонии науки и
здорового смысла

37. Таким образом, совокупность нашей умственной эволюции и, в особенности великое движение, совершившееся в Западной Европе, начиная от Декарта и Бэкона, отныне не допускают другого возможного исхода, как создать, наконец, после стольких необходимых предварительных подготовлений, истинно нормальный строй человеческого разума, сообщая положительному мышлению еще недостающие ему полноту и рациональность, дабы установить между философским гением и всеобщим здравым смыслом гармонию, которая до пор никогда не могла существовать в достаточной мере. А изучая эти два одновременных условия полноты и систематизации, которые реальная наука должна теперь выполнить для того, чтобы возвыситься до достоинства истинной философии, приходится скоро признать, что они окончательно совпадают.

В самом деле, с одной стороны, великий первоначальный кризис новейшей положительной философии оставил вне научного движения в собственном смысле словатолькоморальныеи социальные теории, пребывающие поэтому в неразумной изолированности под бесплодным господством теолого-метафизического духа; таким образом, именно в возвышении последних также на положительную стадию должно было бы состоять в наше время последнее доказательство истинного философского мышления, последовательное распространение которого на все другие основные явления уже достаточно подготовлено. Но, с другой стороны, это последнее расширение естественной философии само собой стремилось тотчас же систематизировать ее, выстраивая единую, как научную, так и логическую точку зрения, которая могла бы господствовать над совокупностью наших реальных умозрений, всегда необходимо превращаемых в человеческий, т.е. социальный взгляд, единственно способный стать активно всеобщим.

Такова двоякая философская цель основного, одновременно частного и общего преобразования, которое я осмелился предпринять в моем большом труде, указанном в начале этого *Слова*: наиболее выдающиеся современные мыслители считают эту задачу достаточно выполненной, так как уже установлены истинные и непосредственные основания полного умственного обновления, которое было предложено Бэконом и Декартом, но окончательное осуществление которого выпало на долю нашего века.

(Продолжение следует)